

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

ОЧЕРК ТЕОРИИ ТИТУЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Р.С. БЕВЗЕНКО,

кандидат юридических наук,
профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-2-9-87>

В статье анализируется концепция так называемого титульного обеспечения. Исследуются причины появления титульного обеспечения. В частности, разбираются вопросы обеспечительной купли-продажи, обеспечительного удержания титула, обеспечительной уступки и выкупного лизинга. Автор, среди прочего, анализирует вопросы эффекта титульного обеспечения в процедурах банкротства как лица, предоставившего обеспечение, так и кредитора.

Ключевые слова: титульное обеспечение; обеспечительная купля-продажа; обеспечительное удержание собственности; выкупной лизинг; факторинг.

THE ESSAY ON A DOCTRINE OF TITLE-BASED SECURITY DEVICE

R.S. BEVZENKO,

Candidate of Legal Sciences, Professor,
Moscow Higher School of Social and Economic Sciences

The paper deals with the concept of title-based security. The author examines the substance of the concept and its historical roots. The problems of repurchase agreements, retention of title, assignment with the security purposes and financial leasing are

analyzed. The author is paying special attention to the bankruptcy issues, e.g. the insolvency of the provider of the security and the security creditor.

Keywords: title-based security; repurchase agreement; retention of title; financial leasing; assignment with security purposes.

1. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ТИТУЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Так называемое титульное обеспечение – это вид вещного обеспечения, при котором обеспечительный эффект (т.е. улучшение положения кредитора на случай банкротства должника) достигается за счет наделения кредитора правом собственности (либо его аналогом – в случае если предметом обеспечения являются не вещи, а иные блага) на предмет обеспечения, а не специальным обеспечительным вещным правом (правом залога).

К правовым конструкциям, при помощи которых достигается эффект титульного обеспечения, я отношу:

(а) *обеспечительную передачу собственности*, т.е. договор, по которому должник передает кредитору право собственности на предмет обеспечения, а при возвращении долга приобретает право собственности вновь;

(б) *удержание права собственности кредитором*, т.е. соглашение, по которому продавец остается собственником предмета сделки до тех пор, пока должник не выплатит долг по договору купли-продажи;

(в) *обеспечительную уступку*, т.е. сделку, по которой должник передает кредитору (фактору) требования, имеющиеся у него к третьим лицам, уведомляя последних о том, что их новым кредитором является фактор и они должны исполнять обязательство ему (при этом это исполнение засчитывается в счет долга должника перед кредитором);

(г) *лизинг*, т.е. договор, по которому одно лицо оказывает кредит другому лицу, приобретая и оплачивая некоторое имущество для него; при этом имущество, находящееся во владении должника, считается собственностью кредитора до тех пор, пока должник не выплатит долг.

В литературе также обсуждается вопрос о том, является ли сделкой, порождающей титульное обеспечение, аренда с правом выкупа. В частности, проф. Wood выделяет даже две сделки (отличая их от лизинга), порождающих титульное обеспечение, основанных на конструкции аренды: договор найма-продажи (*hire purchase agreement*) и продажу с передачей продавцу в аренду с выкупом проданной им вещи (*sale and lease back agreement*)¹. Разница между этими сделками состоит в следующем: по первой сделке арендатор имеет право по истечении срока арен-

¹ Wood Ph.R. Comparative Law of Security Interests and Title Finance. 2nd ed. London, 2007. P. 674–675.

ды приобрести арендуемый предмет по его номинальной стоимости (либо приобрести его досрочно, выплатив все причитающиеся с него в будущем арендные платежи)¹. Вторая сделка представляет собой продажу собственником имущества финансирующему кредитору с тем, чтобы тот передал должнику в аренду вещь на период, эквивалентный оставшемуся периоду эффективного использования вещи. Должник выплачивает арендные платежи, которые включают в себя возврат долга и процентов на него².

Однако я не усматриваю в упомянутых сделках какой-то юридической специфики, которая бы отличала их от других титульных обеспечительных конструкций. Так, продажа с последующей арендой – это по сути обеспечительная купля-продажа, в которой возврат долга осуществляется не разовым платежом, а периодическими выплатами. Наем-продажа практически ничем не отличается от обеспечительного удержания права собственности продавцом. Добавление арендного элемента (заключающегося прежде всего в признании права должника пользоваться вещью, являющейся предметом обеспечения) ничего нового в перечисленные мною обеспечительные конструкции не привносит, поэтому я не вижу необходимости в выделении их как самостоятельного предмета изучения в рамках настоящей работы.

По всей видимости, концептуальной исходной точкой в рассуждениях о допустимости титульного обеспечения является принцип свободы установления любых обеспечительных конструкций. В нашем праве этот принцип ярко выражен в положениях ст. 329 ГК РФ, которая провозглашает принцип свободы договора в сфере обеспечения обязательств: исполнение обязательств может обеспечиваться не только поименованными в законах способами, но и иными, не поименованными в законе способами. При этом закон не устанавливает каких-либо ограничений в создании сторонами непоименованных обеспечительных конструкций: достаточно лишь на первый взгляд, чтобы они не нарушали императивные нормы законов (п. 1 ст. 422 ГК РФ).

Однако, кажется, такой подход к непоименованному обеспечению страдает некоторым упрощением. Первые сомнения зарождает норма предл. 2 п. 2 ст. 421 Кодекса: «К договору, не предусмотренному законом или иными правовыми актами, при отсутствии признаков, указанных в пункте 3 настоящей статьи, правила об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, не применяются, что *не исключает возможности приме-*

---

¹ По свидетельству проф. Вуда, такая сделка весьма популярна в Англии в сфере финансирования потребительских сделок. В российской литературе идею о том, что титульное обеспечение может быть установлено и путем арендных сделок, поддерживает Е.Р. Усманова (см.: Усманова Е.Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 3, 5, 9, 23 и т.д.).

² Проф. Вуд упоминает, что такого рода сделки используются взамен залога при получении кредитов под обеспечение недвижимостью или воздушными судами.

ния правил об аналогии закона (пункт 1 статьи 6) к отдельным отношениям сторон по договору». Таким образом, любое непоименованное обеспечение подпадает как минимум под риск того, что суд при рассмотрении споров, возникших из непоименованной обеспечительной конструкции, будет руководствоваться не только положениями обеспечительного договора и нормами общей части обязательственного права¹, но и нормами о договорах, регулируемых законом (в нашем случае – о поименованных обеспечительных конструкциях).

Некоторую сложность представляет такой вопрос: а какие именно нормы о поименованных обеспечительных конструкциях можно применять к непоименованному обеспечению? В законе на этот счет однозначного ответа нет, однако его можно обнаружить в постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (абз. 4 п. 5): «Применение к непоименованным договорам по аналогии закона императивных норм об отдельных поименованных видах договоров возможно в исключительных случаях, когда исходя из целей законодательного регулирования ограничение свободы договора необходимо для защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон». Из этого следует очень важный вывод: суды вправе ограничить свободу установления непоименованного обеспечения лишь путем применения императивных норм, содержащихся в нормах о поименованном обеспечении, к непоименованным обеспечительным сделкам, но ни в коем случае не путем «переквалификации» непоименованного обеспечения в (пусть даже и похожее на него) поименованное². Единственным исключением, кажется, должны быть случаи, когда обе стороны сделки в действительности имели в виду поименованную обеспечительную конструкцию, но для вида заключили притворную сделку – не поименованный в законе обеспечительный договор.

Однако есть еще одна проблема доктринального свойства, затрагивающая саму возможность создания непоименованных обеспечительных конструкций. Обеспечение обязательств может быть двух типов: а) личное и б) вещное. При личном обеспечении обеспечительный эффект достигается путем привлечения в качестве дополнительной гарантии удовлетворения интересов кредитора имущественной массы третьего лица (таковы поручительство, независимая гарантия, страхование, а также принятие обязательства по возмещению потерь (ст. 406.1

¹ В части, регулирующей обязательственные отношения кредитора и должника. Увы, общая часть вещного права в нашем ГК отсутствует.

² Например, это касается императивных норм залогового права, запрещающих внесудебную реализацию предмета залога – единственного жилья гражданина. Заключение соглашений об установлении непоименованного (титального) обеспечения, которые могут привести к внесудебному изъятию единственного жилья в случае невозврата долга, не должно допускаться, в соответствующей части они должны рассматриваться как ничтожные вследствие обхода закона (п. 3 ст. 10 ГК РФ).

ГК РФ), вызванных действиями третьего лица). При вещном обеспечении имеет место надление кредитора правом удовлетворять свои требования к должнику из конкретного имущества, предоставляемого самим должником либо третьим лицом в качестве обеспечения, причем кредитор при вещном обеспечении пользуется преимуществом перед другими кредиторами лица, предоставившего вещное обеспечение. Традиционным вещным обеспечением является *залог* (и *удержание*, которое во многом напоминает залог, но возникающий ситуативно, в силу простого факта владения кредитором имуществом должника). Право залога является вещным правом (содержанием которого является право залогодержателя присвоить себе ценность заложенной вещи), так как оно обладает таким качеством, как противопоставляемость его третьим лицам (новым собственникам предмета залога, другим залогодержателям, арендаторам и проч.). Собственно, *вещный* характер обеспечения не может не предполагать существование именно *вещного права*, выполняющего обеспечительную функцию для кредитора.

Однако в вещном праве, как известно, действует принцип закрытого перечня вещных прав (*numerus clausus*)¹. Это означает, что стороны не могут своим соглашением «изобрести» такое вещное право обеспечительного характера, которое не было бы предусмотрено законом, но при этом улучшало бы положение кредитора, имеющего такое непоименованное право, в его отношениях с третьими лицами – в первую очередь иными (необеспеченными) кредиторами лица, предоставившего обеспечение. Собственно, поэтому выбор у сторон договора об установлении не поименованного в законе вещного обеспечения относительно невелик – тот набор вещных прав, который известен соответствующему правопорядку.

Кажется, использование собственности в качестве обеспечительного инструмента довольно логично: вещное обеспечение должно позволять кредитору присваивать себе ценность вещи, служащей обеспечением, преимущественно перед другими кредиторами лица, предоставившего обеспечение. А что может служить этому эффекту лучше, чем право собственности?! Оно наделяет его обладателя самым сильным правом на вещь (а стало быть, позволяет легко «превращать» вещь в деньги путем ее продажи), давая также юридическую эксклюзивность в отношениях с третьими лицами. Последняя проявляется в том, что вещь, переданная в собственность кредитору ради обеспечения, исключается из массы лица,

---

¹ Хотя в отечественной науке существует довольно сильное движение против принципа закрытого перечня вещных прав (главный его представитель – А.О. Рыбалов (см., напр.: Рыбалов А.О. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus* // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7. С. 144–162)). Однако оно скорее носит характер оппозиции. Господствующим все же является учение о закрытом перечне вещных прав. Это связано с тем, что вещные права абсолютны, т.е. противопоставимы всем третьим лицам, и их содержание должно быть заведомо знакомым всем участникам оборота, т.е. типизированным. Типизация же вещных прав в свою очередь достигается за счет создания законодателем закрытого их перечня и детального регулирования содержания всех поименованных в законе вещных прав.